

Благодарности

Опыт работы над этой книгой доказывает одно из ее главных положений. Мы часто приписываем достижения личным заслугам, но в их основе лежит социальный фактор. На обложке книги указано мое имя, однако в ее создание внесли вклад бесчисленное количество людей. В первую очередь я благодарю всех сотрудников китайских средних школ, где проводил работу. Ученики в этих школах были моими неутомимыми учителями, а многие из преподавательского состава и руководства стали мне близкими друзьями. Хотя я не могу назвать их имена публично, эта книга обязана им своим существованием.

Мои консультанты Стив Сангрэн, Магнус Фискесё и Ти Джей Хинрихс заботились обо мне на протяжении всего моего пребывания в Корнеллском университете. Перед каждым из них я в большом интеллектуальном долгу. Меня вдохновляли преподаватели Корнелла: Доминик Бойер, Шерман Кокран, Петрус Лю, Робин Макнил, Хиро Миядзаки, Виранджини Мунасингхе, Теренс Тёрнер, София Виленас, Эндрю Уиллфорд и другие. Я благодарен одноклассникам, друзьям и сотрудникам Корнеллского университета за их помощь и поддержку: Кевину Каррико, Джеку Чиа, Донне Дункан, Лим Вакуань, Паулине Лимбу, Лауре Менчака, Маргарет Рольф, Джеймсу Шарроку, Нгуэт Тонг, Эрику Уайту и Таомо Чжоу.

Финансирование моих исследований поступало из многих источников. Министерство образования США спонсировало мое обучение в аспирантуре в рамках четырехлетней стипендии Джейкоба К. Джавица. Работу на местах поддерживал Фонд Меллона, который включился в финансирование проектов, отобранных для стипендии Фулбрайта — Хейса для исследования

докторских диссертаций за рубежом (DDRA), когда Конгресс в 2011 году приостановил действие этой программы. Финансирование осуществлялось Институтом международного образования (ИЕ), и я выражаю особую благодарность его руководительнице в Пекине, Джанет Аптон, которая любезно поделилась своим опытом полевой работы в качестве антрополога в Китае. Помимо внешнего финансирования, я получил щедрую поддержку от Корнеллского университета. Предварительная полевая работа в течение двух летних сезонов проводилась за счет гранта Mario Einaudi Center Travel и East Asia Program Lam Family Award for South China Research. Корнелльская программа по Восточной Азии также предоставила стипендию имени Ху Ши в области китаеведения на этапе написания исследования.

Учреждения и частные лица в Китае оказали мне важнейшую поддержку. На факультете антропологии Сямыньского университета меня принимал Цзэн Шаоцун, ныне работающий в Китайской академии общественных наук. Профессор Цзэн принял меня в свое сообщество друзей и студентов и помог получить мудреные разрешения, необходимые иностранцу для проведения полевых работ в сельских школах. И Линь с факультета социальной работы не только был для меня важным источником идей, но и познакомил со многими полезными людьми. В Институте образования Сямыньского университета Лю Хайфэн и Чжэн Жолин поделились своими глубокими знаниями о едином вступительном экзамене в вузы и вдохновили меня особым стилем научной работы, предполагающим исследование современных экзаменов в тандеме с гражданскими экзаменами имперской эпохи Китая.

В постдокторантуре Гарвардской академии международных и региональных исследований я обрел бесценного наставника. Элизабет Перри великодушно согласилась прочесть всю мою рукопись и возглавить семинар по ней. Его участники — Сьюзан Блум, Эндрю Кипнис, Карри Кёсель и Аджанта Субраманиан — сделали бесчисленное количество пронизательных критических замечаний. Я им признателен за глубокие суждения, которые нашли отражение в каждой из глав. Дружба с Кристиной Флореа

и Малгожатой Курьянской скрашивала мои дни. Коллеги и друзья сделали пребывание в Кембридже приятным, продуктивным и интеллектуально вдохновляющим: Бринтон Ахлин, Рабиат Аканде, София Балакян, Яэль Берда, Шанталь Берман, Лина Бритто, Мелани Каммет, Стив Катон, Ришад Чудури, Арунабх Гош, Джулиан Гевирц, Крис Грагьен, Джейсон Келли, Егор Лазарев, Адам Лидс, Нура Лори, Кейси Лурц, Эдуардо Монтеро, Дэвид Саконьи, Арне Вестаад, Эми Чжан и другие. Всемирная материально-техническая поддержка администраторов академии Брюса Джекана и Кэтлин Гувер всегда была пронизана их бодрящим юмором и добротой.

На многочисленных форумах я получил замечания по различным разделам книги. Я глубоко признателен Майклу Соньи и Таруну Кханну за приглашение участвовать в семинарах по меритократии в Китае и Индии, организованных Fairbank Center for Chinese Studies и Lakshmi Mittal South Asia Institute Гарвардского университета. Они вместе с участниками, такими как Джеймс Ли, Кэмерон Кэмпбелл и Лян Чэнь, высказали неоценимые критические замечания. Я благодарю Каори Ураямю за возможность представить свою работу на семинаре азиатских стипендиатов Гарвардской школы Кеннеди. Фида Адели, Кэтрин М. Андерсон-Левитт, Елена Айдарова, Сара Фридман, Герри Грут, Ди Джей Хэтфилд, Джилл Кояма, Хуэйминь Люся Лю, Эллен Оксфельд, Роберт Веллер, У Цзинтин, Роберта Заворетти и др. — мне помогли высказанные вами в ходе обсуждения мнения. В разделах глав 3 и 4 развиваются идеи, впервые сформулированные в главе «China's Examination Fever and the Fabrication of Fairness: My Generation Was Raised on Poisoned Milk» («Китайская экзаменационная лихорадка и фабрикация справедливости: мое поколение вскормлено отравленным молоком»), которую я написал для сборника «Пустота и полнота: Этнография опустошения и стремлений в современном Китае» [Howlett 2017].

В гуманитарном колледже Йельского университета и Национального университета Сингапура (Yale — NUS) и самом Национальном университете Сингапура меня одарили своим благословением чрезвычайно добрые и отзывчивые старшие коллеги:

Джоанна Робертс, Жаннетт Иковикс, Джейн Джейкобс, Анджу Мэри Пол, Номи Лазар, Наоко Симадзу, Терри Нарден, Джон Дриффилл и Кристина Тарнопольски. Благодаря коллегам и друзьям: Эмили Цхуа, Джессике Хансер, Анну Жале, Рохану Мукхерджи, Бену Шупманну, Риса Тоха, Кристин Уолкер, Читра Венкатарамани, Хыонг Там, Джолин Тан, Эшлин Тхьян, Дэниел Йео, Робин Чжэн — преподавание в Сингапуре стало чрезвычайно плодотворным коллективным опытом. Стив Оливер составил графики для этой книги. Коллеги-антропологи в Yale — NUS, такие как Сесилия Ван Холлен, Габриэль Кох, Стюарт Стрендж и Нина Махадев, всегда дарили мне радость дружеского общения и оказывали интеллектуальную поддержку. Я особенно благодарен Сесилии Ван Холлен за постоянную помощь и мудрые советы, за вдохновляющий пример добросердечного спокойствия. Я также чрезвычайно благодарен Марсии Инхорн, которая, находясь в Йеле, любезно и неустанно поддерживала меня и других младших преподавателей. Эрик Хармс, будучи в отпуске, также оказывал неоценимую помощь и поддержку. Мои бакалавры в Yale — NUS непрестанно удивляют меня любознательностью, страстью и усердием. Практикант Лю Чэнпэй полностью прочитал рукопись и дал полезные отзывы. Публикация этой книги стала возможной отчасти благодаря гранту колледжа Yale — NUS.

Я глубоко признателен моему редактору Джиму Лансу из издательства Корнеллского университета за его энтузиазм и поддержку, благодаря которым я прошел последние этапы работы над этим проектом. Джим представляет собой образец доброты и профессионализма. Я от всего сердца благодарю его за веру в меня и эту книгу. Я также хочу поблагодарить Клэр Джонс за ее квалифицированную редакторскую помощь. Два анонимных читателя из Корнелла не пожалели времени, чтобы высказать множество важных и ценных замечаний. Мой выпускающий редактор Карен Лаун и корректор Моника Эйчен значительно улучшили итоговый текст.

Без любви и поддержки родных и друзей были бы невозможны никакие мои жизненные начинания. Крепкая дружба Ван Юаньчун давала мне силы на каждом этапе исследований. Друзья Кайл

Рэнд и Джош Морселл объехали полмира, навещая меня в моих путешествиях. Ли Калкинс пожертвовал отпуском, проведя его за чтением моей рукописи. Мерри Ли на каждом шагу оказывала важнейшую помощь. С самого начала мои родители были для меня опорой. На протяжении всей моей жизни мать и отчим, Джудит и Брукс Менчер, подпитывали мою любознательность и предоставляли все возможности, когда я был ребенком. Мой первый наставник в писательском мастерстве, Брукс и по сей день направляет меня на путь истинный. Он не меньше трех раз прочел каждое слово в этой рукописи. Хотя мой отец, Джо Хоуллетт, не дожил до окончания моей аспирантуры, я знаю, что он бы очень мной гордился. Я благодарен сестре и моей постоянной союзнице Малинде Вагнер, ее мужу Роджеру, племяннице Эмили и племяннику Илаю за то, что они с пониманием относились к моим постоянным отлучкам на протяжении стольких лет. Моя уважаемая кузина Маргарет Рональд доказала мне, что получить докторскую степень вполне возможно. Тесть и теща, Онг Мей Туан и Лау Лиак Кой, приняли меня в семью как родного, подарив мне теплый и гостеприимный дом в Юго-Восточной Азии. Я также благодарен шурина и свояченице, Кай Янгу и Йе Хюи, за их теплое отношение. Наконец, я особенно признателен моей жене и соавтору Лау Тинг Хуэй, моей самой большой опоре. Ее пронизательность и сила постоянно вдохновляют меня.

Замечания о переводе и орфографии

Время от времени я буду приводить переводы важных китайских терминов и фраз, чтобы прояснить терминологию для других исследователей или передать важные аспекты экзамена. Метафоры — это больше, чем просто фигуры речи; они показывают, как люди концептуализируют свой мир [Лакофф, Джонсон 2004]. В частности, значимо, что метафоры, связанные со вступительными экзаменами в вуз, относятся к военной сфере.

В целях защиты конфиденциальности большинство имен и названий мест изменены.

Выборочная хроника событий

1905	Отмена императорских гражданских экзаменов
1911	Свержение Цин, последней императорской династии Китая
1912	Начало периода Республики
1919	Начало Движения 4 мая
1949	Основание Китайской Народной Республики во главе с Мао Цзэдуном (1893–1976)
1952	Проведение первых вступительных экзаменов в вузы (<i>гаокао</i>)
1966–1977	Отмена <i>гаокао</i> в период «культурной революции» Восстановление системы <i>гаокао</i>
1977	Начало эпохи экономических реформ после Мао
1989	Протесты на Тяньаньмэнь
1999	Начало популяризации высшего образования
2013	Приход к власти Си Цзиньпина

Пролог

Последняя битва

Ежегодно в начале июня около десяти миллионов старшеклассников в Китае сдают Единый государственный экзамен для поступления в вузы, также называемый *гаокао*, на два дня захватывающий внимание всей страны¹. Полицейские занимают посты у школьных ворот. Члены семей и учителя стекаются в храмы помолиться за успех. Таксисты, в обычное время скупые, бесплатно довозят сдающих экзамены «воинов» (*гаокао чжаньши*) к местам «сражений» (*чжаньчан*), а школы приобретают священный статус, вход в них, кроме наблюдателей, разрешен только экзаменуемым. При проверке личности могут использоваться биометрические данные, а для выявления жульничества применяют оборудование, блокирующее сигналы, и даже беспилотные летательные аппараты. Нервные родители и зеваки толпятся на тротуарах, телевизионщики и газетные репортеры берут у собравшихся интервью. Государственные СМИ рассказывают об условиях проведения экзаменов, а для некоторых городов даже меняют авиамаршруты, чтобы снизить уровень шума.

«Воины», выстроившись в шеренгу, с прозрачными пластиковыми пеналами, мрачны и решительны; многие дрожат в предвкушении и волнении. Для них нет четкого разграничения между образованием и *гаокао* — 12 школьных лет привели их к этой последней битве (*цзуйхоу и чжань*).

¹ Полное название экзамена — «Единый государственный экзамен для поступления в высшие учебные заведения Китайской Народной Республики». Аббревиатуру «гаокао» также можно перевести как «высший экзамен».

После знаменательного дня экзаменуемые с тревогой ждут результатов. Газеты публикуют длинные разборы, обсуждая сложность и объективность теста. В июле, когда становятся известны имена получивших лучшие результаты, этих героев (*каоши инсюн*) чествуют как спортивных звезд, иногда на публичных церемониях. Их удостаивают такого же возвышенного звания — «образца для подражания» (*чжуанъюань*), — как и занимавших первое место на экзаменах в позднеимператорском Китае (960–1911), в котором использовалась сложная система гражданских экзаменов для отбора чиновников.

Как и в императорские времена, экзамен выступает в роли судьбоносного обряда перехода. За ним пристально следят даже не участвующие, а высшие руководители Китая непосредственно вмешиваются в его проведение. *Гаокао* — это то, что антропологи называют тотальным социальным феноменом — деятельность, в которую «вовлечено... большое число институтов», что отражается на экономической, политической, юридической и религиозной сферах общества [Мосс 2011: 279–280]. Как сказал мне репортер одной газеты, «*гаокао* касается каждой семьи и напрямую связан со стабильностью и гармонией в стране и имиджем правительства». Старший преподаватель сельской средней школы говорил: «Без *гаокао* в Китае произошла бы социальная революция».

Гаокао так же важен, как и национальные выборы в либерально-демократической стране, однако Китай — авторитарное однопартийное государство. Чем же объясняется значимость *гаокао* для населения, и что Китай — историческая родина конкурсных экзаменов — может поведать об аналогичных системах в других странах? В переходе от аристократии к управлению, основанному на заслугах, Китай опередил Европу на много веков, и большинство современных стран придерживаются той или иной формы меритократии: почти везде разделяется убеждение, что почет и успех должны определяться упорным трудом и интеллектом, а не наследственными привилегиями. Это стремление к меритократии обычно подразумевает получение документа об образовании, обретение которого частично или полностью связано со сдачей экзаменов.

Тем не менее начиная с 1980-х годов мир переживает стремительные социальные, технологические и политические изменения. С улучшением жизни миллионов одновременно усилилось социальное неравенство. В Китае, как и во всем мире, увеличивается разрыв между богатыми и бедными, что приводит к явлению, называемому некоторыми критиками наследственной меритократией. Представляет ли меритократия собой миф, а не действительность? Меритократия порождает не только безоговорочно преданных, но и недовольных — тех, для кого реальность социальной системы не оправдывает своих обещаний. В заголовке этой книги обыгрывается название работы Зигмунда Фрейда [Фрейд 1992] «Civilization and Its Discontents» (в русском издании «Недовольство культурой»), в которой утверждается, что современные общества порождают чувства вины и тревоги, поскольку люди стремятся жить в соответствии с невозможно строгими культурными идеалами. Отчасти тревога неизбежна, но по мере роста неравенства становится все труднее реализовать идеал социальной мобильности, основанной на академическом образовании.

Гаокао также вызывает сравнения в более широких масштабах. В Китае его сопоставляют не только с экзаменами в других странах, но и другими судьбоносными (*гайбянь минъюньдэ*) событиями, такими как военные конфликты, спортивные соревнования и азартные игры с высокими ставками. В разных культурах многие явления, которые одновременно влекут серьезные последствия и ассоциируются с неопределенным риском, могут рассматриваться как судьбоносные. К таким можно отнести современные институты выборов и судебных процессов, а также традиционные формы тотального социального обмена, такие как кула (Папуа — Новая Гвинея) и потлач (на Тихоокеанском Северо-Западе). Что общего между этими явлениями, и чем объясняется их привлекательность? Как их используют, чтобы добиться признания и наполнить свою жизнь смыслом? И что этот процесс говорит о людях и устройстве общества?

В основе этой книги лежат два года, которые я провел, изучая китайские средние школы, и она — попытка найти ответ на эти

загадки. Во многом мои выводы неполные или носят предварительный характер, но тем не менее я стремился обрисовать нюансы *гаокао* как сложного социального явления, которое и напоминает аналогичные институты в других местах планеты, и отличается от них. Осознание этих различий и сходств — шаг к построению более прочных мостов взаимопонимания в нашем глобально взаимосвязанном и быстро трансформирующемся мире. Поскольку мы вступаем в третье десятилетие века, который, по многочисленным прогнозам, станет столетием Китая, эта задача приобретает еще большее значение².

² Существует много прогнозов, предрекающие доминирование Китая в будущем. Мартин Жак [Jacques 2012] приводит популярное изложение. Более трезвую оценку см. у Давида Шамбо [Shambaugh 2016].

Глава 1

Судьбоносный обряд перехода

Гаокао и миф меритократии

Учеба меняет судьбу.
Китайская поговорка

2013 год, третья неделя апреля, воскресное утро в Нинчжоу, городе окружного значения в глубинке юго-восточной китайской провинции Фуцзянь. До начала *гаокао* оставалось всего 47 дней. Я сопровождал госпожу Ма, старшего преподавателя средней школы номер один в Нинчжоу, навещавшую семьи учеников. В преддверии экзамена она сосредоточилась на учениках, показавших слабые результаты в подготовительных тестах. Госпожа Ма стремилась успокоить их страхи и поднять боевой дух.

Ставки на *гаокао* высоки, и экзаменующимся приходится справляться с невероятным давлением. Для многих этот экзамен — единственный лифт социальной мобильности, возможность изменить (*гайбянь мин*) или преобразить (*гайбянь минъюнь*) судьбу. *Гаокао* проводится ежегодно, а его пересдача сопряжена с большими трудностями и затратами. В Китае если сравнивать сдающих *гаокао* со спортсменами, то старшие преподаватели сочетают обязанности тренера-наставника и фактически заменяют собой родителей. Госпожа Ма знала, кто из учеников отстает в рейтинге по личным и семейным обстоятельствам, и кто плохо сдал подготовительные тесты, но на более сложных, по выражению учителей, раскрыл потенциал (*баофа цянъли*). Этих

сведений ей было достаточно для морального и учебного наставничества паствы. Посещение учеников на дому — чтимая большинством средних школ в стране практика — важный повод для проведения такого рода службы.

По мере приближения *гаокао* госпожа Ма особенное внимание уделяла мальчику, которого звали Цзэюй. В отличие от большинства учеников-горожан, он приехал из далекой деревни уезда городского округа Нинчжоу. Цзэюй говорил одноклассникам, что его родители свиноводы, но это был эвфемизм: те несколько лет как переехали из деревни в городские трущобы Сямыня и зарабатывали на жизнь, собирая отходы у ночных закусовых и продавая их на корм свиньям. Цзэюй и младшего брата, как и детей многих родителей-мигрантов, оставили в деревне на попечение (*люшоу*) бабушек и дедушек [Murphy 2014].

С учетом скромного происхождения, в учебе Цзэюй достиг впечатляющих успехов. Большую часть детства он провел с бабушкой по отцовской линии, которая не говорила на путунхуа, а только на родном диалекте миньнань. Его мать, бабушка и дедушка не умели читать. Отец Цзэюя был вынужден бросить школу в третьем классе, потому что родители больше не могли покупать ему учебники и вносить плату за обучение. Тем не менее Цзэюй был одним из немногих учеников родного уезда, кто прошел тестирование и поступил в лучшую среднюю школу номер один в Нинчжоу, городе окружного значения.

Отец Цзэюя называл сына «молодчиной» за трудолюбие (*нули*), самодисциплину (*цзылюй*) и упорство (*цзяньчи*). Очевидно, однако, что важную роль в успехе Цзэюя также сыграли и нереализованные амбиции отца. Бросив школу больше 30 лет назад, тот все еще с гордостью рассказывал о том, как в третьем классе получил отличные оценки на экзамене по математике, и горевал, что не сдал итоговый экзамен. Это огорчение подпитывало его желание помочь своим детям «покорить *гаокао*» (*чжэнфу гаокао*).

Цзэюй был примером невероятного усердия и выдержки, но с приближением экзамена его самообладание, или психологическая устойчивость (*синьли сучжи*), пошатнулось. Он постоянно нервничал и отвлекался, пропускал занятия, стал хуже учиться.

Илл. 1. Усердная подготовка к «последней битве». Фото автора

Госпожа Ма рассчитывала выявить проблему и приободрить мальчика. Это посещение отличалось от многих подобных отсутствием родителей Цзэюя, которые работали в большом городе. Тем не менее у мальчика было что-то вроде собственного жилья: родители, чтобы создать сыну условия в такой важный год перед экзаменами и избавить от шумных школьных общежитий, где в комнате ютятся по восемь человек, сняли ему квартиру недалеко от школы. Он жил в ней вместе с другим старшеклассником. Такая роскошь обошлась семье в огромную сумму.

Цзэюй пригласил нас с госпожой Ма войти. Мы сели за складной стол в пустой гостиной. У Цзэюя был изможденный вид, и во время разговора мальчик вертел в руках рецепт: он недавно вернулся из аптеки с упаковкой средства традиционной медицины для укрепления желудка. Госпожа Ма высказала беспокойство по поводу того, что Цзэюй пропустил занятия во второй половине дня.

Разрыдавшись, мальчик пожаловался на боли в желудке и бессоницу. Цзэюя терзало чувство вины за жертвы, на которые пошли его родители. Госпожа Ма подбодрила его, сказав: «Знаю, что нелегко, но сейчас тебе нельзя расслабляться. Если слишком расслабишься, будет трудно потом вернуться в форму (*хуэйфу чжуантай*)».

После визита мы с госпожой Ма обсудили положение Цзэюя. Она, сама родом из сельской местности, понимала, какое тяжкое бремя лежит на мальчике. Для крестьян экзамен — это единственная надежда вырваться из села (*тяочу нунмэнь*), что означает возможность устроиться на работу в офис и прописаться (*хукоу*) в большом городе. Хорошая работа, которую могут получить выпускники высокочлассных вузов, сулит желанное положение среднего городского класса. Для большинства сельчан диплом вуза — единственный шанс официально прописаться в городе, что обещает престиж, защищенность и дает лучшие перспективы для женитьбы или замужества. Отчисленные студенты и выпускники непрестижных вузов часто либо возвращаются в деревню, либо влачат жалкое существование как «перекати-поле» (*людун жэнькоу*) и становятся рабочими-мигрантами, которые считаются гражданами второго сорта. Как заметила госпожа Ма, «риски и выгоды для такого парня, как Цзэюй, — это не то, что [риски и выгоды] для большинства городских детей».

Экзамен влияет не только на учеников и их семьи. Его результаты определяют репутацию учителей, школ и чиновников из сферы образования, их продвижение по службе и премии к зарплате. Осознавая, что поставлено на карту, не только родители с детьми, но и учителя и администраторы обращаются к религии и магии в поисках утешения и наставления. Некоторые средние школы, такие как школа госпожи Ма, даже организуют для учителей посещение храмов. Эти паломничества проводятся негласно, чтобы не нарушать государственный принцип отделения школы от религии.

Во время посещения храмов госпожа Ма вместе с другими старшими преподавателями также делала подношения богам. Она молилась за возвращение к Цзэюю самообладания и его удачу на экзамене. Однако госпожа Ма переживала не только за него: даже

более привилегированные ученики-горожане, например лучшая ученица, дочь местного полицейского детектива, приуныли под давлением предстоящего испытания. И в то же время потенциал некоторых отстающих учеников обещал раскрыться (*баофа*) перед финальной битвой. На долю таких «темных лошадок» (*хэйма*) иногда выпадает внезапная слава, когда они делают «ключевой бросок» и спасают свою команду в решающей игре.

Итоги экзамена могут быть весьма непредсказуемыми. Старшие преподаватели школ отмечают, что результаты *гаокао* регулярно колеблются на 20 и более пунктов в ту или иную сторону от ожидаемых баллов учащихся. Эта разница влечет далекоидущие последствия, поскольку от результатов зависит, попадут ли ученики в престижные вузы «Проекта 985» (40 лучших вузов Китая) или же в обычные первого уровня (*ибэнь юаньсяо*), которых насчитывается около 200.

Неопределенность результатов тестов объясняется многими причинами. С одной стороны, на результат экзамена влияют настрой или нервозность. С другой — не зависящие от человека факторы: характер вопросов, погода, состояние здоровья и даже место посадки ученика. По этим причинам экзамен — крайне рискованное мероприятие. По словам одного студента, «чуть дрогнет рука — и пять баллов пропали, и вся судьба псу под хвост».

Как оказалось, Цзэюй набрал на 30 баллов меньше, чем ожидала его учительница: вместо 620 баллов из 750 возможных он получил 590. Сам Цзэюй объяснил плохой результат «неуравновешенностью» и отсутствием самообладания — иначе говоря, неважным «психологическим настроем». В его семье сомневались, что он выдержит стресс от пересдачи экзамена, к тому же у них не было денег на ее оплату. Они решили «смириться с судьбой» (*жэньмин*).

Падение Цзэюя на 30 баллов означало понижение более чем на десять тысяч мест в провинциальном рейтинге. Окончив приличную, но ничем не примечательную школу, он начал работать развездным торговцем в маленьком городе без гарантии получения городской прописки. Его одноклассники, набравшие средние 600 баллов — результат, на который рассчитывал Цзэюй, — и ни-

же, поступили в вузы «Проекта 985». Многие из них получили стабильную долгосрочную работу в центральных городах вроде Пекина, Шэньчжэня и Сямыня.

Отец Цзэюя не тешил себя иллюзиями относительно социального равенства, которым заражена система образования в Китае. За чаем в своем тесном домике в Сямыне мужчина рассказывал, как боролся за то, чтобы устроить младшего брата Цзэюя в хорошую государственную школу. Он говорил о том, как сильно различаются сельские и городские школы, и жаловался на протекционистскую систему региональных квот на поступление, из-за которой у жителей обычных провинций, таких как Фуцзянь, гораздо меньше шансов попасть в лучший университет, чем у студентов из Пекина или Шанхая. Тем не менее отец Цзэюя сохранил веру в «большой экзамен», настаивая на его способности «изменить судьбу». Несмотря на результаты сына, он был уверен, что положение его семьи улучшилось, ведь благодаря *гаокао* простые люди вроде него получали шанс дать отпор коррумпированному миру, где нет равенства. По его словам, «*гаокао* — это единственное в Китае относительно честное соревнование» (*вэйи сяндуй гунпиндэ цзинчжэн*).

Миф меритократии

В Китае подобное мнение о *гаокао* можно услышать от многих: считается, что результаты обычных социальных состязаний определяются заранее, «за кулисами», благодаря связям, или *гуаньси*, поэтому подобные конкурсы пустые (*сюй*), фальшивые (*сюйцзя*) или поддельные (*цзоцзя*). Оценки *гаокао*, наоборот, выставляются во время экзамена, то есть публично, открыто, «на авансцене»¹, в соответствии с универсальными, основанными на правилах,

¹ Термин *front stage* (*авансцена*), который обсуждается ниже в главе 3, заимствован у Ирвинга Гофмана [Гофман 2000]. О бинарных оппозициях «пустой/полный» или «ложный/реальный» см. ценный сборник под редакцией Сюэянь Брегнбек и Миккеля Бункенборга [Bregnbæk, Bunkenborg 2017]. Мое эссе в этом томе содержит дальнейшее описание риторики пустоты/полноты и ее связи с *гаокао* [Howlett 2017].

показателями заслуг. Следовательно, *гаокао* — более или менее правдивый (*ши*), настоящий (*сяньши*) и подлинный (*чжэньши*).

Так или иначе, китайская элита «белых воротничков» и многие правительственные чиновники набираются из выпускников лучших вузов страны. По распространенному убеждению, на высших уровнях конкуренция за статус и власть сопряжена с сильной коррупцией. Однако в этом мире, где правит *гуаньси*, экзамен дает простым людям надежду на социальный лифт и даже на обретение общественного влияния и политической власти. С 1977 года *гаокао*, восстановленный после десятилетнего перерыва во время «культурной революции» (1966–1976), укрепляет веру, что каждый способен изменить судьбу. *Гаокао* убеждает, что конкуренция может быть справедливой, и в Китае многие считают экзамен краеугольным камнем меритократии. Под меритократией я подразумеваю общество, в котором правящая элита отбирается на основе индивидуальных заслуг посредством прозрачной конкуренции.

К сожалению, меритократия в значительной степени представляет собой миф. В эпоху реформ и открытости после Мао (с 1978 года по настоящее время) страна быстро развивалась, выведя сотни миллионов людей из нищеты. Однако также резко усилилось социальное неравенство, что привело к большим диспропорциям в возможностях получения образования и в результатах экзаменов между различными регионами и социально-экономическими группами [Hannum 1999; Хуан 2012; Khor et al. 2016; Liu 2013; Obendiek 2016; Wang et al. 2013; Yeung 2013]. В таких условиях социальное происхождение и другие случайности рождения имеют большее значение, чем то, во что заставляет нас верить идеология меритократии, поэтому, заявляя, что она — это миф, я прежде всего имею в виду проблему социального равенства. Я не принижая тех, кто успешно сдал экзамены, и не считая, что им не хватает достижений (хотя вопрос о том, какие именно достижения должна поощрять система образования, остается открытым). Напротив, я утверждаю, что отличники демонстрируют большие заслуги, но возможности для их накопления распределены неравномерно.

С этим тесно связано и другое явление, показывающее мифичность меритократии. Будучи системой убеждений и практик, она питается рассказами об успехе — историями о темных лошадках, которые меняют свою судьбу. Они сами по себе становятся источниками убедительных мифов — без них вера в меритократию померкла бы и умерла. Конечно, скептик возразит, что эти истории относятся к объективной реальности: система *гаокао* действительно производит экстраординарных атлетов-экзаменуемых, которые меняют свою судьбу, виртуозно проявляя достоинства. Без сомнения, такие люди существуют: сам Цзэюй был близок к воплощению этого идеала. Однако его ситуация также высвечивает проблему. Рассказы о темных лошадках — мифы, потому что в этом случае обещания превосходят реальность. В действительности такие промахи, как у Цзэюя, случаются гораздо чаще. В начале 1980-х годов казалось, что *гаокао* может стать важным лифтом мобильности для выходцев из сельской местности [Liang et al. 2012]. Однако в последние десятилетия эта лазейка сузилась [Wang et al. 2013; Yeung 2013; Yang 2006]. Исключения лишь подтверждают правило.

Но чем объясняется удивительная устойчивость историй успеха *гаокао*, этих мифов о меритократии? Ответ сложен, однако ключевой момент заключается в результатах экзаменов: часто представляемые как достижение, они на самом деле социально обусловлены. Индивиды не добиваются высоких результатов в вакууме, а скорее используют ресурсы, которые социологи в сфере образования, вслед за Пьером Бурдьё, называют различными формами капитала [Бурдьё 2001, 2002; Бурдьё, Пассрон 2007]. Семьи полагаются на связи, чтобы устроить детей в хорошие школы (это социальный капитал). Аналогичным образом дети с образованными родителями получают преимущество в учебе благодаря академическим знаниям своей семьи, предположительно обеспечивающей превосходную домашнюю среду (это культурный капитал). А богатые родители, то есть обладающие большим экономическим капиталом, могут трансформировать его в другие формы капитала: например, компенсировать дефицит социального, подкупая школьных чиновников, или

культурного капитала, оплачивая внеклассные занятия. Целью выступает приобретение того, что социологи называют символическим капиталом, парадигму которого формируют документы об образовании [Bourdieu 1991; Бурдьё 2001, 2002; Бурдьё, Пассрон 2007].

В итоге добившиеся значительных успехов в учебе обычно имеют в своем прошлом нечто особенное, что сделало такие достижения возможными. В историях темных лошадок и лучших на экзаменах люди, как правило, видят отражение героических способностей отдельных личностей. Однако чаще всего чемпионы не добились бы таких успехов в одиночку. Дочь фермера, поступившая в университет Цинхуа (который занимает первое место в рейтинге китайских вузов вместе с Пекинским университетом), в то же время приходится племянницей старшему преподавателю средней школы. Сын рабочего-мигранта, поступивший в Пекинский университет (также известный как Университет Бэйцзин), с раннего возраста был отдан на воспитание образованной тете, которая охотно взяла на себя эту обязанность, поскольку ее менее образованный брат или сестра материально поддерживали ее во время учебы в вузе. Необычная мотивация отца Цзэюя, безусловно, сыграла роль в успехе сына.

Однако *гаокао* и подобные ему экзамены, по сути, сводят на нет вклад родителей, родственников, учителей и школ. Не учитывая его, результаты тестов преувеличивают степень собственных усилий сдающих, отчего родители и дети рассматривают эти результаты как индивидуальные достижения.

Гаокао не только отбирает по заслугам, но и формирует веру в индивидуальные заслуги. Я бы сказал, что в определенном смысле экзамен также создает отдельных личностей, и в этом заключается его важная культурная функция. Даже в высокоэгалитарных обществах, в основе которых лежали различные объединения, у каждого человека имелось собственное тело, желания, личные качества и пр. Однако люди неизбежно связаны с социальным контекстом; они существуют только в диалоге и взаимодействии с другими. Важно отделить общечеловеческий опыт обладания телом, личными качествами и т. д. от культурно-спе-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru